
СТАТЬИ

АРТЫКУЛЫ

ARTICLES

УДК 341.222.26+94(476)(474.5)

ВЛИЯНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ТРАДИЦИЙ НА ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ГРАНИЦ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XIII–XIV вв.

О. В. ЛИЦКЕВИЧ

*Республиканский институт высшей школы,
ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь*

В статье анализируется влияние традиций Древней Руси (Полоцкого и Галицко-Волынского княжеств) на правовое регулирование и практики установления внутренних и внешних границ в Великом Княжестве Литовском. Отмечается, что уже во второй половине XI – начале XII в. в Полоцком княжестве возникла концепция политической территории и границ государства как атрибутов его суверенитета и могущества. Из Полоцкого княжества в государственный аппарат и законодательство ВКЛ XV–XVI вв. была заимствована должность *ездока* (судьи по вопросам проведения границ и разрешения земельных споров). Показано, что восточнославянское происхождение имели способы обозначения границ на местности (*грани, межи, копцы*), закрепившиеся в законодательстве и практике земельных отношений ВКЛ.

Образец цитирования:

Лицкевич, О. В. Влияние древнерусских традиций на правовое регулирование и практики установления границ в Великом Княжестве Литовском в XIII–XIV вв. / О. В. Лицкевич // Граница и пограничье. – 2023. – № 2 (4). – С. 7–20.

For citation:

Litskevich, O. V. Influence of Old Rus' traditions on legal regulation and practices of establishing borders in the Grand Duchy of Lithuania in the 13–14th centuries. *Border and Frontier*. 2023. No. 2 (4). P. 7–20. Russian.

Автор:

Лицкевич Олег Владимирович – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы

Author:

Litskevich Oleg V. – PhD student, Department of Historical and Cultural Heritage of Belarus, National Institute for Higher Education;
e-mail: litz@rambler.ru

Подчеркивается, что древнерусское влияние в этой сфере в XIV в. тесно переплеталось с европейским. Сделан вывод, что формирование западных внешних линейных границ ВКЛ на месте древних межевых пространств происходило начиная со второй половины XIV в. под воздействием контактов с Мазовией, Польским королевством и Тевтонским орденом. Вместе с тем в договоре луцкого князя Любарта Гедиминовича с Польским королевством 1366 г. отразились особенности восприятия и проведения границ, имеющие некоторое сходство с традициями Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь, делимитация границы, рубежи, Полоцкое княжество, Галицко-Волынское княжество.

УПЛЫЎ СТАРАЖЫТНАРУСКІХ ТРАДЫЦЫЙ НА ПРАВАВОЕ РЭГУЛЯВАННЕ І ПРАКТЫКІ ПРАВЯДЗЕННЯ ГРАНІЦ У ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ У XIII–XIV стст.

А. У. ЛІЦКЕВІЧ

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы,
вул. Маскоўская, 15, 220007, г. Мінск, Беларусь

У артыкуле аналізуецца ўплыў традыцый Старажытнай Русі (Полацкага і Галіцка-Валынскага княстваў) на прававое рэгуляванне і практыкі правядзення ўнутраных і знешніх граніц у Вялікім Княстве Літоўскім. Адзначаецца, што ўжо ў другой палове XI – пачатку XII ст. у Полацкім княстве ўзнікла канцэпцыя палітычнай тэрыторыі і граніц дзяржавы як атрыбутаў яе суверэнітэту і магутнасці. З Полацкага княства ў дзяржаўны апарат і заканадаўства ВКЛ XV–XVI стст. была запазычана пасада *ездака* (суддзі па пытаннях правядзення граніц і вырашэння зямельных спрэчак). Паказана, што ўсходнеславянскае паходжанне мелі спосабы абазначэння граніц на мясцовасці (*грані, межы, капцы*), якія замацаваліся ў заканадаўстве і практыцы зямельных адносін ВКЛ. Канстатуецца, што старажытнарускі ўплыў ў гэтай сферы цесна пераплятаўся з еўрапейскім. Зроблена выснова, што фарміраванне заходніх знешніх лінейных граніц ВКЛ на месцы старажытных межавых прастораў адбывалася пачынаючы з другой паловы XIV ст. пад уплывам кантактаў з Мазовіяй, Польскім каралеўствам і Тэўтонскім ордэнам. Разам з тым у дагаворы луцкага князя Любарта Гедымінавіча з Польскім каралеўствам 1366 г. адлюстраваліся асаблівасці ўспрыняцця і правядзення граніц, якія маюць некаторае падабенства з традыцыямі Русі.

Ключавыя словы: Старажытная Русь, дэлімітацыя граніцы, рубяжы, Полацкае княства, Галіцка-Валынскае княства.

INFLUENCE OF OLD RUS' TRADITIONS ON LEGAL REGULATION AND PRACTICES OF ESTABLISHING BORDERS IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE 13–14th CENTURIES

O. V. LITSKEVICH

National Institute for Higher Education,
Moskovskaya str., 15, 220007, Minsk, Belarus

The article analyzes the influence of the traditions of Old Rus' (Polotsk and Galicia-Volhynia principalities) on the legal regulation and practices of establishing internal and external borders in the Grand Duchy of Lithuania. It is noted that already in the second half of the 11th – early 12th century in the Principality of Polotsk the concept

of political territory and borders of the state as attributes of its sovereignty and power emerged. From the Principality of Polotsk the position of a *yezdok* (a judge on the issues of drawing borders and resolving land disputes) was borrowed into the state apparatus and legislation of the GDL of the 15–16th centuries. It is shown that the methods of marking boundaries on the ground (*grani, mezhy, kopty*), which were fixed in the legislation and practice of land relations of the GDL, were of East Slavic origin. It is noted that that Old Russian influences in this sphere were closely intertwined with European ones. It is concluded that the formation of the western external linear borders of the GDL on the place of ancient boundary spaces took place since the second half of the 14th century under the influence of contacts with Mazovia, the Polish Kingdom, and the Teutonic Order. At the same time, the treaty of the Lutsk Prince Lubart Gediminovich with the Polish Kingdom of 1366 reflected the peculiarities of perception and realization of borders, which have some similarity with the traditions of Rus'.

Keywords: Old Rus', border delimitation, boundaries, Polotsk Principality, Galicia-Volhynia Principality.

■ Введение

Одной из ключевых проблем в истории Беларуси является установление преемственности между Древней Русью и Великим Княжеством Литовским (ВКЛ). В полной мере это касается и вопроса изучения древних границ.

В последние годы в Литовской Республике опубликовано несколько работ, в которых рассматривается возникновение представлений о государственной территории и государственных границах, а также процедур делимитации и демаркации границ в ВКЛ в XIII–XVI вв. (хотя в тот период соответствующие понятия еще не носили современных названий). По мнению Л. Буцевичюте, понятие «государственная территория» в ВКЛ впервые было определено в земском привилее 1447 г. короля Польши и великого князя литовского Казимира [1, р. 360]. В XIV – начале XV в. на западных рубежах ВКЛ вместо межевых пространств одновременно с колонизацией приграничных районов естественным образом стали формироваться линейные границы, которые обозначались на местности специальными знаками. Происходило это под влиянием контактов с Тевтонским орденом, который считался одним из самых развитых европейских государств по территориальной организации и системе структурированных правил [1, р. 363–364].

Как отмечает другой литовский историк Т. Челкис, источники, свидетельствующие об использовании на западных рубежах ВКЛ специальных пограничных знаков и искусственных оборонительных сооружений, восходят еще к XIII в. Однако начало формирования государственной территории ВКЛ он относит к XIV в. – времени правления великих князей

Гедимины, Ольгерда и Кейстута, когда были заключены первые договоры с Тевтонским орденом по территориальным вопросам. Первые линейные границы ВКЛ, зафиксированные в Салинском договоре 1398 г. и Мельнском договоре 1422 г., сформировались на западных рубежах под влиянием контактов с Тевтонским орденом. При этом первые договоры о вечном мире и границах ВКЛ с Московским государством были заключены, по мнению Т. Челкиса, в первой половине XV в. [2, р. 125–126, 303].

Особенностью работ вышеназванных литовских авторов является недооценка государственных традиций земель Древней Руси, вошедших в состав ВКЛ в XIII–XIV вв. Не прослежено в них и возможное влияние этих традиций на представления о государственной территории и границах, а также на практики обозначения границ в ВКЛ. Этот аспект не был отражен и в работе российского исследователя А. Л. Хорошкевич о древнерусских традициях на белорусских и украинских землях ВКЛ в XIV – начале XVI в. [3].

Таким образом, цель статьи: выявление влияния традиций Древней Руси (Полоцкого и Галицко-Волынского княжеств) на правовое регулирование и практики установления границ в ВКЛ в XIII–XIV вв. Для этого необходимо решить следующие задачи: 1) установить данные о правовом регулировании и проведении границ в Древней Руси, прежде всего в Полоцком княжестве, и сравнить их с зарубежными практиками; 2) проследить, в какой мере древнерусские и зарубежные традиции повлияли на становление системы правового регулирования и практику установления границ в ВКЛ в XIII–XIV вв.

Основная часть

Ранние свидетельства о существовании на Руси представлений о государственной территории и ее границах восходят к началу XI в. В 1008 г. католический миссионер Бруно Кверфуртский в послании к королю Германии Генриху II (1002–1024) рассказывал, что побывал в земле государя Руси, а затем отправился в степную область печенегов. Речь шла о великом князе Владимире Святославиче (978–1015). Киевский князь лично со своим войском проводил Бруно Кверфуртского «до крайних пределов своей державы (*usque ad regni sui terminum ultimum*), которые из-за вражды с кочевниками со всех сторон обнес крепчайшей и длиннейшей оградой (*sepes*)». В этой ограде были ворота. Выпустив через них миссионера, князь сказал: «Я проводил тебя [до места], где кончается моя земля и начинается вражеская» [4, с. 58–60]. На основании вышеизложенного можно утверждать,

что южный внешний рубеж Русской земли в то время проходил по так называемым Змиевым валам – древнерусским дерево-земляным укреплениям (рис. 1) [5, с. 195].

В составе древнерусского государства волости первоначально формировались на основе догосударственных этнополитических общностей (племенных объединений). Однако, как отмечает российский историк А. А. Горский, «в течение XI – начале XII в. состав и пределы волостей менялись в связи с деятельностью князей, усобицами, разделами и дележами территорий вне прежних догосударственных этнополитических границ» [6, с. 63]. В Полоцком княжестве с конца X в. правила особая княжеская династия Изяславичей, и киевскому князю Ярославу Мудрому (1016–1054) лишь ценой территориальных уступок удавалось добиться ее лояльности [7, с. 147–149].

Рис. 1. Сводная карта Змиевых валов

Источник: Варакута, В. П. Змиевы валы – древние сторожа степных границ [Электронный ресурс] / В. П. Варакута // Наука и техника. – 2010. – № 6 (49). – С. 77–81. – Режим доступа: <https://naukatehnika.com/zmievyy-valyi.html>. – Дата доступа: 11.09.2023.

Fig. 1. General map of the Serpent's Walls

Source: Varakuta, V. P. Zmievyy valy – drevniye storozha stepnykh granits [Serpent's Walls - ancient guardians of the steppe borders] [Electronic resource]. Nauka i tekhnika [Science and Technology]. 2010. No 6 (49). P. 77–81. – Mode of access: <https://naukatehnika.com/zmievyy-valyi.html>. – Date of access: 11.09.2023.

В первой четверти XI в. к Полоцкому княжеству были присоединены Витебская, Усвягская, Менская, Друцкая волости [8, с. 59–60]. При Всеславе Брючиславиче, который с перерывами правил с 1044 по 1101 г., Полоцкое княжество фактически приобрело государственную самостоятельность и еще больше расширило свои пределы. Территории других земель Руси – крупных самостоятельных княжеств XII в. (Новгородского, Черниговского, Суздальского, Галицкого, Смоленского и т. д.) – уже также отличались от областей догосударственных общностей IX–X вв. [6, с. 63]. Процессы объединения, расширения, дробления княжеств и уделов способствовали дальнейшему укоренению и развитию практик проведения и обозначения границ – как внутренних, так и внешних [9, с. 122–127]. В старейшей «Русской правде», составленной при киевском великом князе Ярославе Мудром, еще нет статьи о нарушении *межи*. Зато в «Русскую правду» его сыновей Изяслава, Всеволода и Святослава, правивших в 1054–1073 гг., уже была включена статья, предусматривавшая за уничтожение *межи* крупный штраф в 12 гривен [10, т. 1, с. 72; т. 2, с. 205].

На Любечском съезде князей 1097 г. была провозглашена формула: «Кождо держить очьчину свою» [11, стб. 231]. Очевидно, такого рода договоренности были бы невозможны без определения и двустороннего признания границ между *отчинами*. Действительно, через два года в летописи мы встречаем четкое понятие *межи*, разделявшей княжеские владения. В «Повести временных лет» 1099 г. рассказывается о битве князей Володаря и Василька Ростиславичей с киевским великим князем Святополком Изяславичем (1093–1113), который хотел отобрать у них Теребовльскую волость. По словам летописца, битва произошла на Рожном поле (близ нынешнего села Бортков Золочевского района Львовской области Украины). Одержав победу, Володарь и Василько не захотели идти дальше границы (*межи*) своего княжества: «И Володарь же и Василько, победивша, ста ста ту, рекуща: Доволеет нама на *межи* своеи стати, и не идоста никамо же» [11, стб. 245].

Межгосударственная (межкняжеская) граница, как правило, представляла собой широкое ненаселенное межевое пространство, пересеченное реками, покрытое лесами, болотами и озерами. В Полоцкой и Псковской

землях в XII–XIV вв. такие пространства назывались *сумежьем* или *межами* [11, стб. 404; 12, с. 18], а местность, примыкавшая к межам, именовалась *оукраина* [12, с. 21].

В Полоцком княжестве XI–XII вв. внешние границы с соседними землями обозначались следующими способами.

Во-первых, перед межевыми пространствами строились порубежные пункты или крепости. Так, в XI в. на восточном рубеже Витебской волости со Смоленским княжеством, который проходил по линии: нижнее течение р. Усвяча – р. Каспля – р. Рутавечь – оз. Рутавечь, возникли укрепленные поселения возле нынешних деревень Кошевичи, Ковали и Микулино [8, с. 59]. На западе напротив Селонии и Литвы такими форпостами были, среди прочих, Дрисвяты и Браслав. На северо-западе напротив Латгалии одним из порубежных центров славянской колонизации, наряду с Друей, была Освея [13, с. 9].

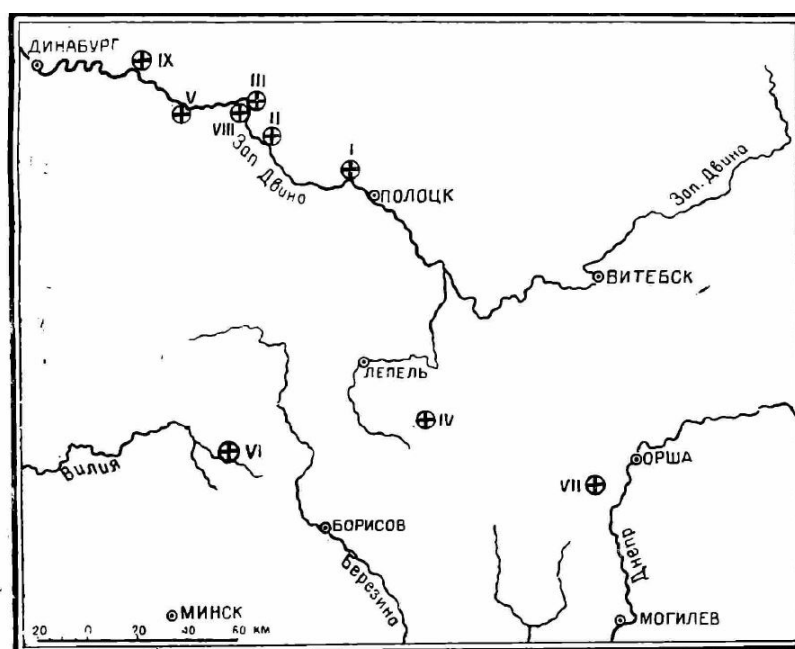
Во-вторых, на межевых пространствах устанавливались какие-либо долговечные знаки. В XII в. это были так называемые Борисовы камни – крупные валуны с нанесенными на них кириллическими надписями и крестами. На большинстве из них надписи высечены по распоряжению полоцкого князя Бориса Всеславича (1101–1128). По мнению А. П. Сапунова, с которым следует согласиться, главное предназначение этих камней состояло в том, чтобы маркировать владельческие права князя на принадлежавшую ему территорию и важнейшие торговые пути. Поэтому не все из них находились непосредственно на границах, часть располагалась по берегам и в русле Западной Двины (рис. 2). Они «должны были громко свидетельствовать и о том, что князь полоцкий – единственные полноправные хозяева этого важного торгового пути, и что они – господа всей земли, по которой течет эта белорусская река» [14, с. 31]. При этом выявлены и три камня, которые находились непосредственно на рубежах Полоцкого княжества и его уделов. Первый Борисов камень – близ Друи, к западу от которого пролегал межевое пространство, отделявшее Полоцкую землю от Латгалии, второй – у д. Высокий Городец Толочинского района, на пограничье Лукомльской, Друцкой и Борисовской волостей [15, с. 24, рис. 5; 8, с. 63]. Третий камень – у д. Дятлово Оршанского района, установленный друцким князем Рогволодом Борисовичем в 1171 г. на

границе Друцкой и Оршанской волостей [15, с. 24, рис. 5; 8, с. 62–64]. Обозначение территорий с помощью Борисовых камней свидетельствует, что в начале XI в. у полоцких князей существовало четкое представление о суверенитете, политической территории и границах своего государства. Очевидно также, что это представление возникло не на пустом месте, а опиралось на идеи о государственной самобытности Полоцка, сформировавшиеся еще у предшественников Бориса Всеславича на полоцком престоле (учитывая исторический масштаб такой фигуры, как его отец князь Всеслав Брячиславич).

Что касается Литвы и соседних балтских племен, наиболее ранние сведения об обозначении их внешних границ датируются XIII в. Границы Литвы (*terminos Letuinorum*) упоминаются уже в грамоте епископа Вильгельма от 29 июля 1243 г. о разграничении четырех дио-

цезий Пруссии, две из которых с востока примыкали к землям Литвы [16, с. 108–109] (сейчас это пограничье Калининградской области России и Литовской Республики).

Внешние границы своих населенных областей балтские племена защищали с помощью специальных оборонительных сооружений. Укрепленная оборонительная линия в XII–XIII вв. существовала на северо-восточных рубежах Нальшанской земли – от городища Таурагнай на западе до городища Мажулонис на востоке. Ее частью был ров с валом XIII в., выявленный археологами в районе д. Рекучай Швенчёнисского района Литвы. Эта линия, очевидно, служила защитой от Полоцкого княжества [17, р. 355–356]. Аналогичные рвы с валами сооружались в XIII в. на границах Ятвези и в последующее время – на границах ВКЛ, например в районе Дрисвят [2, р. 130].

Карта древних камней с надписями.
I — Борисов камень у Полоцка; II — Борисов камень у д. Наконьки; III — Борисов камень у д. Болотки; IV — Борисов камень у с. В. Городец; V — Борисов камень у г. Друя; VI — Борисов камень у д. Каменки; VII — Роговолодов камень; VIII — «Сулибор хрьсть»; IX — камень «Святополк-Александр», уничтоженный в 1818 г.

Рис. 2. Расположение Борисовых камней по состоянию на 1946 г.

Автор карты В. П. Таранович

Источник: Таранович, В. П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР / В. П. Таранович // Советская археология. – 1946. – № 8. – С. 250.

Fig. 2. Location of Boris' stones as of 1946, by V. P. Taranovich

Source: Taranovich, V. P. K voprosu o drevnikh lapidarnykh pamyatnikakh s istoricheskimi nadpisyami na territorii Belorusskoy SSR [To the question of ancient lapidary monuments with historical inscriptions on the territory of the Byelorussian SSR]. Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. 1946. No. 8. P. 250.

Фактическую внешнюю границу Жемайтии в эпоху войн с крестоносцами составляли оборонительные засечные линии, которые в орденских источниках именуются *indagines*, *hegene*, *heune*, а также *graude* [18, s. 91]. Согласно орденским документам конца XIV – начала XV в. такие засечные линии в сочетании с сетью городищ защищали Жемайтию с севера, запада и юга [см., например, 19, s. 709–710]. В Ливонской рифмованной хронике сохранилось описание одной из засек, воздвигнутых прусским племенем самбийцев в XIII в.: «Там была огромная баррикада, сооруженная ранее самбийцами, к последующему неудобству многих. Она была большой и толстой, сделана не из слабых молодых деревцев, а из могучих деревьев, которые были повалены и расположены в виде вала» [20, р. 53]. По этому и другим свидетельствам [18, s. 91–92] можно предполагать, что аналогичным образом были устроены и жемайтские засечные линии, сложенные из деревьев, поваленных поверх колючего подлеска и обращенных верхушками и острыми сучьями в сторону неприятеля.

По своему предназначению и масштабам такие сооружения балтских племен сравнимы с южнорусскими Змиевыми валами XI в. Однако однозначно утверждать, что они возникли под древнерусским влиянием, конечно же, невозможно. С точки зрения Генриха Латвийского, древние эсты в XIII в. тоже делали защитные засеки из срубленных деревьев [21, с. 148]. Такая практика, очевидно, была широко распространена в регионе. Интересно другое: хотя у Литвы, как мы видели выше, были собственные традиции обозначения границ, в ВКЛ в этой сфере укоренились понятия, термины и процедуры древнерусского (а в одном из случаев – достоверно полоцкого) происхождения.

Развитие правового регулирования и процедур обозначения внешних границ государства невозможно рассматривать в отрыве от происходивших в нем внутренних процессов, таких как усложнение социально-экономической жизни и государственного аппарата, развитие вотчинного и условного землевладения, формирование делопроизводства и письменной культуры. Пожалование нобилем земель из княжеского домена при условии несения службы требовало определения и обозначения их границ, этим занимались специальные должностные лица – *ездок*. Самое раннее упоми-

нение о них связано с Полоцким княжеством. В 70–80-х гг. XIV в. полоцкий князь Андрей Ольгердович пожаловал Федору и Дмитрию Корсакам село Семенцово между Березвечьем и Дисной, подробно описав в грамоте границы этого владения. В конце грамоты значится пометка: «А того рубежа зарубати посылали есмо ездаком Донярку» [22, с. 73–74]. Эта должность полоцкого происхождения перешла затем и в судебную систему ВКЛ. Согласно Судебнику 1468 г., утвержденному королем Казимиром, *ездок* выполнял функцию судьи по земельным (межевым) спорам: «А тако ж кому до каго будет дело какое: будет земное дело, ино ездоки побрати, а будет иныи какия дела, ино судьи побрати» [23, с. 339]. Схожие нормы в расширенном виде вошли в Статут ВКЛ 1529 г.: «Тэж уставляем: коли бы который судья або ездок от права высланный был на розъезд, тогды тот судья, ездок оную сторону, которая лепшие и знакомитшие привилья и листы, и знаки або копцы, або тэж грани вкажутъ, будеть повинен ку доводу припустити» [24, р. 220; см. также 2, р. 102–105].

Другие понятия и термины, употреблявшиеся при обозначении границ между земельными владениями в ВКЛ, также были восточнославянскими. Древнейшим славянским способом обозначения границ была вырубка специальных знаков на деревьях. Эти знаки назывались *гранями* (что означает угол, край, грань). Отсюда в языках восточных, западных и южных славян произошло слово *граница*, в древности заимствованное немецким языком и средневековой латынью (ср. нем. *grenze* и лат. *granities* – «граница, рубеж»). В памятниках письменности ВКЛ употребление слов «граница», «граница» фиксируется с XIV–XV вв. Учитывая общеславянский характер этой лексики, кажется вероятным, что практика обозначения границ с помощью *граней* сложилась на белорусских землях еще в племенную или древнерусскую эпоху и сохранилась затем в ВКЛ. Разновидностью или аналогом *граней*, видимо, были *рубежи*. Некоторое отличие имела *межа*, поскольку она проводилась по поверхности земли и правонарушением считалось ее распахиwanie (ср. в Статуте 1529 г.: «...если бы межу переорал» [24, р. 224]). Эти две разновидности знаков – *межа* на поверхности земли и зарубка на дереве – фигурируют уже в «Русской правде» сыновей Ярослава Мудрого, составленной в третьей четверти XI в.

[10, т. 1, с. 72; т. 2, с. 205–206]. Третьей разновидностью межевых знаков были *копцы* – небольшие земельные холмики. Их происхождение не вполне ясно, но название тоже имеет славянскую этимологию.

Литва знакомилась с понятиями государственной территориальной целостности и границ, дипломатическими практиками разграничения спорных земель, взаимодействуя с более развитыми соседними государствами – с Тевтонским орденом, а также с Галицко-Волынским и Полоцким княжествами. В 1219 г. несколько князей из Литвы и Жемайтии заключили мирный договор с Владимирским (Волынским) княжеством, в котором обязались не нарушать рубежи его земли: «Си же вси мир даша кн(я)зю Данилови и Василкоу, и бе земля покоина» [25, стб. 735–736]. В торговом договоре 1253 г. с Ригой Миндовг говорит о «нашем королевстве» (*regni nostri*) и о «нашей державе» (*nostre dominacionis*), которая, разумеется, имела определенные границы и на территории которой регламентировался проезд немецких купцов [26, р. 4].

Полоцкое княжество с 1210 по конец 60-х гг. XIII в. заключило с Ливонией не менее шести соглашений по торговым, территориальным и прочим вопросам (старейшие из них, известные по упоминаниям в ряде источников, почему-то не учтены ни в 1-м, ни во 2-м изданиях «Полоцких грамот»), хотя нет данных, что речь в них шла о границах. Литва, несомненно, перенимала богатый дипломатический и правовой опыт Полоцка. Так, нальшанский князь Гердень в конце 1263 г. выступил посредником при заключении мирного договора Полоцка и Витебска с Орденом и Ригой. В документе декларировалось, что Полоцкое княжество отказывалось от притязаний на Латгалию («Лотыгольскую землю»), а Орден обязывался «отступити, што Руськая земля словеть Полочькая, от тое земли местерю и брати его отступити с всею правдою» [22, с. 57–58]. В договоре 1323 г. великого князя Гедимина (1316–1341) с Ливонией называются составные части государства (Аукштайтия, Жемайтия, Полоцк и «все русины, которые живут под нашей властью») [26, р. 70, 78–80]. В этом акте, по оценке В. Т. Пашуто, уже видно «стремление государственной власти твердо определить политические границы страны» [27, с. 485].

Влияние древнерусских правовых традиций прослеживается и во взаимоотношении

ВКЛ с Ливонией, в том числе с ливонским отделением Тевтонского ордена. В целом эти взаимоотношения можно разделить на три этапа. Первоначально в XIII – первой четверти XIV в. между двумя странами существовал военный и торговый фронт, который еще не регулировался известными нам межгосударственными договорами, может быть, за исключением рубежей Полоцкой земли с Латгалией [28]. На втором этапе, который продолжался с 30-х по 90-е гг. XIV в., военный и торговый фронт между ВКЛ и Ливонией получил частичное правовое регулирование. ВКЛ и ливонское отделение Ордена стали заключать так называемые договоры о разбойниках (в 1338, 1367 и других годах), в которых определялись мирные зоны для безопасного проезда купцов из одной страны в другую. Отдельным прообразом таких соглашений послужил торговый договор 1229 г. между Смоленском, Ригой и Готским берегом, который подтверждался смоленскими князьями вплоть до конца 30-х гг. XIV в. (рис. 3). В нем также устанавливалась безопасная зона для проезда купцов на всем протяжении Западной Двины – от Балтийского моря до Полоцкой, Витебской и Смоленской земель: «Дали Двиноу волноу от оустия до върхоу и по воде и по берегу всякому гостю роусьскомуу и немецьскомуу, ходящимъ и въ низъ и въ верхъ» [29, с. 24, 29, 34, 39, 44]. Межевые пространства между ВКЛ и Ливонией, пролежавшие в тот период по южным областям Куронии, Земгалии и Селонии, оставались нестабильными и меняли свою конфигурацию из-за разорения тех или иных приграничных волостей. Хотя в 50–60-х гг. XIV в. представители ВКЛ провели с Ливонией границу, которая в позднейших источниках получила название «Войшвилтовой», ее характер и юридический статус неясны. Полоцко-ливонский участок межевых пространств к северу от Западной Двины стал стабилизироваться раньше, чем другие участки межевых пространств между ВКЛ и Ливонией. В этом тоже видится древнерусское наследие, поскольку четкое, юридически оформленное разделение Латгалии и Полоцкой земли произошло еще в 60-х гг. XIII в. И лишь на третьем этапе – с конца XIV по 70-е гг. XV в. – были сформированы линейные границы ВКЛ с Ливонией, которые регламентировались межгосударственными договорами и были обозначены на местности специальными знаками.

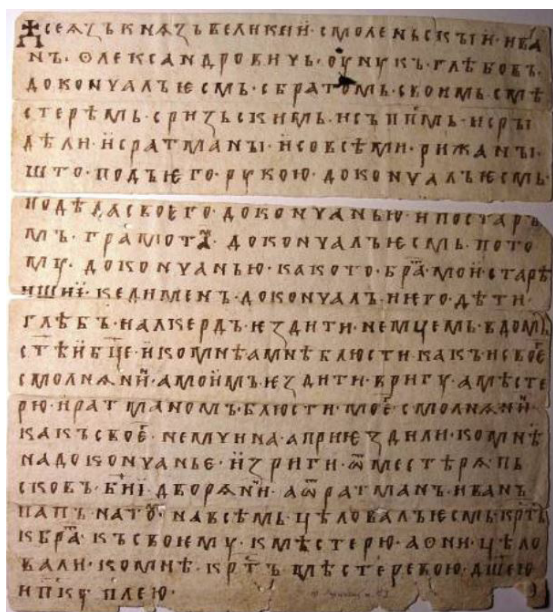

Рис. 3. Грамота смоленского князя Ивана Александровича с подтверждением торгового договора 1229 г. (не ранее 1 ноября 1338 г.)

Источник: Latvijas Valsts vēstures arhīvs. 8 fonds, 3 aprašas, capsula A, Nr. 18 (фото опубликовано онлайн А. С. Ивановым).

Fig. 3. Charter of Prince of Smolensk Ivan Alexandrovich confirming the trade treaty of 1229 (not earlier than November 1, 1338)

Source: Latvijas Valsts vēstures arhīvs. 8 fonds, 3 aprašas, capsula A, Nr. 18 (photo published online by A. S. Ivanovs).

В 40-х гг. XIV в. ВКЛ присоединило к себе часть распадавшегося Галицко-Волынского княжества, в том числе Владимир (Волынский), Луцк, Подляшье, Берестье и Кобрин. Вместе с этими территориями княжество унаследовало богатые правовые традиции и письменную культуру данного государства. Как и полоцкие князья, галицко-волынские правители четко осознавали суверенитет и территориальную целостность своего княжества, называя его «Русской землей» [30, с. 157–158, 161]. В Галицко-Волынском государстве сформировалась самобытная практика правового оформления земельных пожалований, разделов и межкняжеских соглашений («рядов») [30, с. 305–317]. В последние годы существования княжества древнерусские традиции стали в нем тесно переплетаться с внешними польско-немецкими влияниями. Например, в 1339 г. князь и владетель «Королевства Руси» Юрий Тройденевич (1323/1325–1340) выдал грамоту Бартку из Сандомира на войтовство в городе Саноке на основе магдебургского права. В этом доку-

менте упоминаются границы Санока (*gades et metas*) [30, с. 191, 193] – несомненно, линейного типа.

Когда же и в связи с чем в ВКЛ появилась практика проведения согласованных линейных границ с соседними странами? Выше отмечалось, что способы обозначения линейных границ (например, с помощью зарубок на деревьях или линий оборонительных сооружений) были известны на Руси с глубокой древности. По данным XIII – начала XIV в., аналогичные практики существовали и в ВКЛ. Сохранившиеся письменные источники позволяют предполагать, что уже в XIV в. внутренние границы линейного типа проводились в ВКЛ при разграничении церковных и светских земельных владений. Приводившийся выше пример пожалования земель полоцким боярам Корсакам в 70–80-х гг. XIV в. показывает, что при этом применялись практики древнерусского происхождения (князь посылал *ездока* «рубжея зарубати»). Древнерусские особенности были характерны также для восприятия и проведения внешних границ – по крайней мере на Волыни. Так, в 1366 г. луцкий князь Любарт Гедиминович (в крещении Дмитрий) заключил договор о границах с Польским королевством. В результате неудачных для ВКЛ военных действий к Польскому королевству тогда временно отошел Владимир с прилегающей округой. Поэтому в договоре определялась новая граница на Волыни: «К Володимерю отступается потоле: по Оуимицю, по Песчаный брод, по Еоуфимково село, от Еоуфимкова села до Маркова става, от Маркова става по Львовскую дорогу к Скоморохом. А от Песчана броду по Пиньский мост. А оттоле по Турью, поколе Турья прошла» (рис. 4) [31, с. 13–14; 32, с. 10–11]. В документе рубежи перечислены не по порядку, а тремя крупными отрезками. Сначала назван средний отрезок с запада на восток: от села Уймица (ныне с. Войница Владимир-Волынского района Украины) до Песчаного Брода в районе слияния рек Серна и Стирь. Затем южный – с северо-востока на юго-запад: от «Еоуфимкова села» (не локализовано) до Маркова Става (ныне с. Маркостав Владимир-Волынского района) и Львовской дороги к с. Скоморохи (ныне село в Червоноградском районе Украины). И последним назван северный отрезок с юго-востока на северо-запад: от Песчаного Брода до Пинского моста на р. Лютица и далее по р. Турья до ее впадения

в Припять. Такой архаичный способ описания границ заимствован из канцелярской практики Галицко-Волынского княжества или других княжеств Руси. Составители документа в Луцке еще не мыслили категориями линейных границ, последовательно проводимых от начальной до конечной точки. Они описывали границу не вдоль условной непрерывной линии, а как пространство *по какие-то пункты*: «по Оуимицю». Такой же подход наблюдается в договоре ВКЛ с Московским государством 1449 г., где граница обозначена «по озеро по Плотинцо, по Красны борок и т. д.» [33, с. 160].

Старейший известный межгосударственный договор о делимитации границ линейного типа ВКЛ заключило в 1358 г. с Мазовией (рис. 5). Вопрос об аутентичности этого акта уже подробно рассматривался в статье 2014 г. [34, с. 14–31]. Накопившиеся с тех пор дополнения и разбор новой литературы будут представлены в отдельной работе. Здесь же обратим внимание только на следующее обстоятельство. В сохранившемся пергаментном экземпляре договора на латыни содержится подлинный

перечень участников межгосударственной пограничной комиссии. Со стороны ВКЛ в подготовке договора 1358 г. участвовали князья и бояре Патрикей, Войшвилт, Айкша, Елизар и Васько Кирдеевич, а со стороны Мазовии – четверо каштелянов (комендантов замков) и судья из Сохачева. Как сказано в документе, они лично выезжали на порубежье и определяли прохождение границы на основе свидетельств «старых и опытных людей» (*senibus et antiquis personis*). Такая же практика использовалась ранее в 1343 г. при заключении договора о границах между Мазовией и Тевтонским орденом. В одном из материалов канцелярии Ордена сказано, что тогда сведения о границе, отделявшей Мазовию от прусской области Галиндия, были записаны со слов «наших старожил» (*nostris antiquioribus*) [35, с. 260]. Таким образом, можно определенно утверждать, что сложившаяся в ВКЛ в XV–XVI вв. процедура проведения и описания внешних границ – силами двусторонних комиссий и с участием местного населения – имеет *смешанное мазовецко-немецкое происхождение*.

Рис. 4. Договор луцкого князя Любарта Гедиминовича с Польским королевством (1366)

Источник: Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, 254 Perg.
<https://polona.pl/item-view/2b8000c2-29b1-48c9-97d9-2b2b012f2616?page=0>.

Fig. 4. Treaty of the Lutsk Prince Lubart Gediminovich with the Polish Kingdom (1366)

Source: Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, 254 Perg.
<https://polona.pl/item-view/2b8000c2-29b1-48c9-97d9-2b2b012f2616?page=0>.

Рис. 5. Договор Великого Княжества Литовского с Мазовией о делимитации границы (1358)

Источник: Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, rkp. 307, s. 1.

Fig. 5. Treaty of the Grand Duchy of Lithuania with Mazovia on border delimitation (1358)

Source: Biblioteka Czartoryskich w Krakowie, rkp. 307, s. 1.

Линейные границы ВКЛ с Тевтонским орденом были полностью проведены в конце XIV – 70-х гг. XV в. в соответствии с договорами о делимитации границ 1398, 1422, 1435 и 1473 гг. Помимо внешнеполитических причин, проведение линейных границ на месте древних межевых пространств на прусском, мемельбургском и ливонском участках было обусловлено такими факторами, как католическое крещение Литвы и Жемайтии, а также интенсивная колонизация приграничных районов. В это же время продолжалось формирование линейных границ ВКЛ с Польским ко-

ролевством и Мазовией. В 1457–1458 гг. ВКЛ (а точнее, по поручению киевского князя Семена Олельковича) были в одностороннем порядке демаркированы южные рубежи этого государства с Молдавией, Белгородом-Днестровским, Очаковым и Крымским ханством. В XIV–XV вв. происходили также сложные процессы размежеваний, правового подтверждения старых и закрепления новых границ на восточных границах ВКЛ – с землями Руси (Псковом, Тверью, Москвой и другими русскими княжествами) [см., например, 36].

■ Заключение

Таким образом, формирование системы правового регулирования и обозначения границ в ВКЛ в XIII–XIV вв. происходило под влиянием соответствующих концепций, обычаев и практик Полоцкого и Галицко-Волынского княжеств, а также ряда соседних государств (Мазовецкого княжества, Польского королевства, Тевтонского ордена, земель Руси). Древнерусские традиции оказались особенно устойчивыми в сфере проведения внутренних границ. В законодательство и судопроизвод-

ство ВКЛ XV – начала XVI в. перешел целый ряд понятий и процедур восточнославянского происхождения, включая полоцкую должность ездока, занимавшегося обозначением границ и разрешением земельных споров. Что же касается обозначения внешних границ, то здесь древнерусские традиции стали постепенно вытесняться зарубежными практиками, особенно на западе государства. Так, уже во второй половине XIV в. на некоторых отрезках западных границ ВКЛ на месте древних

межевых пространств появились линейные границы. Это объясняется в первую очередь контактами ВКЛ с Тевтонским орденом. Однако влияние Ордена в этом аспекте в полной мере проявилось только в XV в. Древнейший

договор о делимитации границ линейного типа ВКЛ заключило в 1358 г. с Мазовией, тогда как первое соответствующее соглашение с Орденом было оформлено только в 1398 г.

Список библиографических ссылок

1. Bucevičiūtė, L. *Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XV–XVI a.: valstybės erdvės ir jos sienų samprata: mokslo monografija* / L. Bucevičiūtė. – Kaunas : Vytauto Didžiojo universitetas ; Vilnius : Versus aureus, 2015. – 400 p.
2. Čelkis, T. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorija: sienų samprata ir delimitaciniai procesai XIV–XVI amžiuje. Mokslinė monografija* / T. Čelkis. – Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2014. – 339 p.
3. Хорошкевич, А. Л. Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI в. / А. Л. Хорошкевич // *Древнерус. наследие и истор. судьбы восточного славянства* / В. Т. Пашуто, Б. Н. Флоря, А. Л. Хорошкевич. – М. : Наука, 1982. – С. 70–150.
4. *Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия : в 5 т.* – Т. IV. Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. – М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2010. – 512 с.
5. Кучера, М. П. *Змиевы валы Среднего Поднепровья* / М. П. Кучера. – Киев : Наукова думка, 1987. – 207 с.
6. Горский, А. А. О древнерусских «землях» / А. А. Горский // *Ruthenica*. – 2002. – № 1. – С. 55–63.
7. Насонов, А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование / А. Н. Насонов. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – 252 с.
8. *Полоцк* / О. Н. Левко [и др.] ; науч. ред. О. Н. Левко. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 743 с.
9. Кежа, Ю. Н. Представления о границах Руси в Повести временных лет / Ю. Н. Кежа // *Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. истор. и псих.-пед. науки*. – Вып. 23. В 3 ч. – Ч. 1. – Минск : РИВШ, 2023. – С. 120–129.
10. *Правда Русская*. – Т. 1–2. – М. – Л. : АН СССР, 1940–1947. – 505 + 862 с.
11. *Полное собрание русских летописей*. – Т. 1. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. – Л. : АН СССР, 1926. – VIII, 580 с.
12. *Псковские летописи*. – Вып. 1 / пригот. к печ. А. Насонов. – М. – Л. : АН СССР, 1941. – LXIII, 147 с.
13. Дук, Д. У. Археалагічныя раскопкі ў Асвеі / Д. У. Дук // *Вест. Полоцк. гос. ун-та. Серия А*. – 2016. – № 1. – С. 2–10.
14. Сапунов, А. П. *Двинские или Борисовы камни* / А. П. Сапунов. – Витебск : Тип. Витебского губ. правления, 1890. 2, 31 с.
15. Левко, О. Н. Племенные структуры, погосты и волости Оршанского Поднепровья в конце I – начале II тысячелетия / О. Н. Левко // *Вестн. МДУ им. А. А. Куляшова*. – 2001. – № 1 (8). – С. 16–29.
16. *Preussisches Urkundenbuch*. – Politische Abteilung. – Bd. 1. H. 1 / Hrsg. von R. Philippi, C.P. Wölky. – Königsberg : Hartungsche Verlagsdruckerei, 1882. – II, 240, 10 s.
17. Girininkas, A. A defence installation of the developing Lithuanian state / A. Girininkas // *Archaeologia Baltica*. – 2007. – Vol. 8. – P. 347–359.
18. Paravicini, W. *Die Preussenreisen des Europäischen Adels*. – Т. 2. – Sigmaringen : Jan Thorbecke Verlag, 1995. – 345 s.
19. *Scriptores rerum Prussicarum*. – Bd. 2. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1863. – VI, 866 p.
20. *The Livonian Rhymed Chronicle* / transl. with an historical introduction, maps and appendices by J. C. Smith and W. L. Urban. – Bloomington : Indiana University, 1977. – XXVII, 150 p.
21. *Генрих Латвийский. Хроника Ливонии* / введ., пер. и комм. С. А. Аннинского. – М. : АН СССР, 1938. – XV, 608 с.
22. *Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.* – Т. 1. – М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2015. – 864 с., XVI с.
23. Старостина, И. П. Судебник Казимира 1468 г. / И. П. Старостина // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1988–1989 гг.* – М. : Наука, 1991. – С. 170–344.
24. *Pirmasis Lietuvos Statutas*. – II. Pirmas dalis / S. Lazutka, I. Valikonytė, E. Gudavičius. – Vilnius : Mintis, 1991. – 426 p.
25. *Полное собрание русских летописей*. – Т. 2. Ипатьевская летопись. Изд. 3. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. – XVI, 938 стлб., 87, IV с.
26. *Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans* / Ed., transl. and commented by S. C. Rowell. – Vilnius : Vaga, 2003. – LVIII, 425 p.
27. Пашуто, В. Т. *Русь. Прибалтика. Папство (Древнейшие государства Восточной Европы, 2008 год)* / В. Т. Пашуто. – М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2011. – 688 с.
28. Лицкевич, О. В. Первые договоры Великого Княжества Литовского с Ливонией (1253–1323 гг.) / О. В. Лицкевич // *Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сборник научных статей*. – Пинск : ПолесГУ, 2022. – Вып. 7. – С. 124–127.
29. *Смоленские грамоты XIII–XIV вв.* / подг. к печ. Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 139 с.
30. Купчинский, О. А. *Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти* / О. А. Купчинський. – Львів : Наукове Товариство ім. Шевченка, 2004. – 1283 с.
31. Розов, В. А. *Українські грамоти*. – Т. 1. XIV в. і перша половина XV в. / В. А. Розов. – Київ : Друкарня УАН, 1928. – 176, 75, IX с.
32. Довнар-Запольский, М. В. Из истории литовско-польской борьбы за Волинь. (Договоры 1366 года) / М. В. Довнар-Запольский // *Университетские известия*. – Киев, 1896. – № 8. – С. 1–13.
33. *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* – М.–Л. : АН СССР, 1950. – 587 с.

34. Ліцкевіч, А. У. Гародня і Гарадзенскі рэгіён у другой палове XIII–XIV ст.: назва і межы / А. У. Ліцкевіч // *Гарадзенскі палімпсест*. 2012. Людзі даўняй Гародні. XV–XX стст. – Гродна : Гарадзенская бібліятэка, 2013. – С. 10–59.
35. *Nowy kodeks dyplomatyczny Mazowsza*. – Cz. 2. Dokumenty z lat 1248–1355 / S. Kuraś, K. Pacuski, I. Sułkowska-Kurasiowa, H. Wajs. – Wrocław : Wydaw. PAN, 1989. – 413 s.
36. Темушев, В. Н. Формирование московско-литовской границы в XV – начале XVI в. / В. Н. Темушев // *Studia Historica Europae Orientalis*. – Вып. 1. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – С. 56–76.

References

1. Bucevičiūtė, L. *Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XV–XVI a.: valstybės erdvės ir jos sienų samprata: mokslo monografija*. Kaunas : Vytauto Didžiojo universitetas ; Vilnius : Versus aureus, 2015. 400 p. Lithuanian.
2. Čelkis, T. *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorija: sienų samprata ir delimitaciniai procesai XIV–XVI amžiuje. Mokslinė monografija*. Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2014. 339 p. Lithuanian.
3. Khoroshkevich, A. L. Istoricheskiye sud'by belorusskikh i ukrainskikh zemel' v XIV – nachale XVI v. [Historical destinies of the Belarusian and Ukrainian lands in the 13th – early 16th centuries]. Pashuto V. T., Florya B. N., Khoroshkevich A. L. *Drevnerusskoye nasledie i istoricheskiye sud'by vostochnogo slavyanstva* [Old Russian heritage and historical destinies of the Eastern Slavs]. Moscow : Nauka, 1982. P. 70–150. Russian.
4. Nazarenko, A. V., ed. *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: Khrestomatiya v 5 t.* [Ancient Russia in the light of foreign sources: A textbook in 5 vol.]. T. IV. Zapadnoyevropeyskiye istochniki [Western European sources]. Moscow : Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2010. 512 p. Russian, Latin.
5. Kuchera, M. P. *Zmiyevy valy Srednego Podneprov'ya* [The Serpent's Wall of the Middle Sub-Dnieper Region]. Kiyev : Naukova dumka, 1987. 207 p. Russian.
6. Gorskiy, A. A. O drevnerusskikh "zemlyakh" [About Old Russian "lands"]. *Ruthenica*. 2002. No. 1. P. 55–63. Russian.
7. Nasonov, A. N. "Russkaya zemlya" i obrazovaniye territorii Drevnerusskogo gosudarstva. *Istoriko-geograficheskoye issledovaniye* ["Russian Land" and the formation of the territory of the Old Russian state. Historical and geographical study]. Moscow : Izd-vo AN SSSR, 1951. 252 p. Russian.
8. Levko, O. N. [et al.]. *Polotsk* [Polotsk]. Minsk : Belaruskaya navuka, 2012. 743 p. Russian.
9. Kezha, YU. N. Predstavleniya o granitsakh Rusi v Povesti vremennykh let [Imaginations about the borders of Russia in the Tale of Bigone Years]. *Nauchnyye trudy Respublikanskogo instituta vyssheyshkoly. Istoricheskiye i psikhologo-pedagogicheskiye nauki* [Scientific Proceedings of the National Institute for Higher Education. Historical and Psychological-Pedagogical Sciences]. Issue 23. In 3 parts. Part 1. Minsk: RIVSH, 2023. P. 120–129. Russian.
10. *Pravda Russkaya* [Rus' Justice]. T. 1–2. Moscow – Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1940–1947. 505 + 862 p. Russian.
11. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 1. Lavrentyevskaya letopis [Laurentian Chronicle]. Izd. 2. Leningrad : AN SSSR, 1926. VIII, 580 p. Russian.
12. Nasonov, A. N., comp., ed. *Pskovskiy letopisi* [Pskov Chronicles]. Vyp. 1. Moscow – Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941. LXIII. 147 p.
13. Duk, D. U. Arkheologichnyye raskopki v Asvei [Archaeological excavations in Osveya]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta* [Journal of Polotsk State University]. Seriya A. 2016. No. 1. P. 2–10. Belarusian.
14. Sapunov, A. P. *Dvinskiye ili Borisovy kamni* [Dvina or Boris' stones]. Vitebsk : Tip. Vitebskogo gub. pravleniya, 1890. 2, 31 s. Russian.
15. Levko, O. N. Plemennyye struktury, pogosty i volosti Orshanskogo Podneprov'ya v kontse I – nachale II tysyacheletiya [Tribal structures, pogosts and volosts of the Orsha Sub-Dnieper region at the end of the I – beginning of the II millennium]. *Vesnik MDU imya A. A. Kulyashova* [Journal of Mogilev State University named after A. A. Kuleshov]. 2001. No. 1 (8). P. 16–29. Russian.
16. Philippi, R., Wölky C. P., hrsg. *Preussisches Urkundenbuch*. Politische Abteilung. Bd. 1. H. 1. Königsberg : Hartungsche Verlagsdruckerei, 1882. II, 240, 10 s. German, Latin.
17. Girininkas, A. A defence installation of the developing Lithuanian state. *Archaeologia Baltica*. 2007. Vol. 8. P. 347–359. English.
18. Paravicini, W. *Die Preussenreisen des Europäischen Adels*. T. 2. Sigmaringen : Jan Thorbecke Verlag, 1995. 345 s. German.
19. *Scriptores rerum Prussicarum*. Bd. 2. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1863. VI, 866 s. German, Latin.
20. Smith, J. C., Urban, W. L., transl. with an historical introduction, maps and appendices. *The Livonian Rhymed Chronicle*. Bloomington : Indiana University, 1977. XXVII, 150 p. English.
21. Anninski, S. A., vved., per. i komm. *Genrikh Latviyskiy. Khronika Livonii* [Henry of Latvia. The Chronicle of Livonia]. Moscow : AN SSSR, 1938. XV, 608 p. Russian, Latin.
22. *Polotskiye gramoty XIII – nachala XVI v.* [Polotsk acts of the 13th – early 16th centuries]. T. 1. Moscow : Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2015. 864, XVI p. Russian.
23. Starostina, I. P. Sudebnik Kazimira 1468 g. [Casimir's Code of Justice of 1468]. *Drevneyshiye gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya 1988–1989 gg.* [The most ancient states on the territory of the USSR. Materials and researches 1988–1989]. Moscow : Nauka, 1991. P. 170–344. Russian.
24. Lazutka, S., Valikonytė, I., Gudavičius, E. *Pirmasis Lietuvos Statutas*. II. Pirma dalis. Vilnius : Mintis, 1991. 426 p. Old Ruthenian, Latin, Polish.
25. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 2. Ipat'yevskaya letopis' [Hypatian Chronicle]. Izd. 3. Sankt-Peterburg : Tip. M. A. Aleksandrova, 1908. XVI, 938 col., 87, IV p. Russian.

26. Rowell, S. C., ed., transl. and commented. *Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans*. Vilnius : Vaga, 2003. LVIII, 425 p. Latin, German, Lithuanian.
27. Pashuto, V. T. *Rus'. Pribaltika. Papstvo* [Rus. Baltics. Papacy]. Moscow : Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2011. 688 p. Russian.
28. Litskevich, O. V. Pervyye dogovory Velikogo Knyazhestva Litovskogo s Livoniyei (1253–1323 gg.) [The first treaties of the Grand Duchy of Lithuania with Livonia (1253–1323)]. *Gosudarstva Tsentral'noy i Vostochnoy Yevropy v istoricheskoy perspektive: sbornik nauchnykh statey* [The States of Central and Eastern Europe in historical perspective: a collection of scientific articles]. Pinsk : PolesGU, 2022. Issue 7. P. 124–127. Russian.
29. Sumnikova, T. A., Lopatin, V. V., ed. *Smolenskiye gramoty XIII–XIV vv.* [Smolensk acts of the XIII–XIV centuries]. Moscow : Izd-vo AN SSSR, 1963. 139 p. Russian.
30. Kupchyns'kyi, O. A. *Akty ta dokumenty Halyts'ko-Volyns'koho knyazivstva XIII – pershoyi polovyny XIV stolit'. Doslidzhennya. Teksty* [Acts and documents of the Galicia-Volhynia Principality of the 13th – first half of the 14th centuries. Research. Texts]. L'viv : Naukove Tovarystvo im. Shevchenka, 2004. 1283 p. Old Ruthenian, Ukrainian.
31. Rozov, V. A. *Ukrains'ki gramoty* [Ukrainian charters]. T. 1. XIV v. i persha polovina XV v. Kyiv : Drukarnya UAN, 1928. 176, 75, IX p. Russian.
32. Dovnar-Zapol'skiy, M. V. Iz istorii litovsko-pol'skoy bor'by za Volyn'. (Dogovory 1366 goda) [From the history of the Lithuanian-Polish struggle for Volhynia. (Treaties of 1366)]. *Universitetskiye izvestiya* [University news]. Kiev, 1896. No. 8. P. 1–13. Russian.
33. *Dukhovnyye i dogovornyye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv.* [Spiritual and treaty charters of the great and appanage princes of the XIV–XVI centuries]. Moscow – Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1950. 587 p. Russian.
34. Litskevich, A. U. Garodnia i Garadzienski regiyon u drugoy polovine XIII–XIV st.: nazva i miezhy [Grodno and Grodno region in the second half of the 13th–14th centuries: name and boundaries]. *Garadzienski palimpsiest. 2012. Liudzi dauniay Garodni. XV–XX stst.* [Grodno Palimpsest. 2012. People of ancient Grodno. 15th – 20th centuries]. Grodna : Garadzenskaya bibliyateka, 2013. P. 10–59. Belarusian.
35. Kuraś, S., Pacuski, K., Sułkowska-Kurasiowa, I., Wajs, H., ed. *Nowy kodeks dyplomatyczny Mazowsza. Cz. 2, Dokumenty z lat 1248–1355*. Wrocław: Wydaw. PAN, 1989. 413 s. Latin, Polish, German.
36. Temushev, V. N. Formirovaniye moskovsko-litovskoy granitsy v XV – nachale XVI v. [Formation of the Moscow-Lithuanian border in the 15th – early 16th century]. *Studia Historica Europae Orientalis*. Issue 1. Minsk : Izdatel'skiy tsentr BGU, 2008. P. 56–76. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.09.2022
Received by editorial board 10.09.2022